

Жюри — оно и в Африке жюри

Культура. — 1995. — 19 авг. — с. 8.

Заметки с Международного конкурса контрабасистов

В Москве/прошел первый в своем роде музыкальный конкурс — Международный конкурс контрабасистов памяти Сергея Кусевицкого. На неделю он занял красивый Рахманиновский зал. Вход приватно объявили свободным, если первый тур начинался при горсточке близких к этому большущему инструменту людей, то третий заканчивался все-таки уже "на публике".

рядом счастливая говорливая группка. Американцы. Все, конкурс есть. Снимаю пустую арку перед входом в зал — весь народ в прохладном фойе. Два с половиной десятка бородатых юношей.

— Скажите, вот я завтра играю первым, куда мне придти без десяти одиннадцать?

— Как это без десяти? Вы не успеете за десять минут разыграться, себя в порядок привести. Причесаться надо!

— Но куда?

— Вам нужно за двадцать минут прийти, поняли?

— Куда, куда?!

— Да в артистическую!

По русской примете, так не спрашивают. Вот и не прошел на второй тур.

На лестнице белый бюст Рахманинова, который сцепил руки под подбородком, как почетный член жюри. И слушает: какова будет первая нота в концерте Кусевицкого. Буквально по этой первой сильной ноте можно распознать артиста. Но не на конкурсе: волнение... Даже у лучших пальцы дрожат. Один участник говорил: "Моя жена не может на этих струнах ни одной ноты нажать!"

Концерт Кусевицкого — пробный камень первого и третьего туров. Вначале его играют с концертмейстершами (неважными, одно и то же на всех конкурсах), на третьем туре — с оркестром. Музыка пышная, раскидистая, требует беглости и прекрасной смычковой техники. Тут есть что поиграть. Звучит виолончельно! Жаль, местами несколько поверхностная, в духе модных ныне киноаранжировок. Мориконе, конечно, в другом стиле, в "одежде" других десятилетий. Вот когда начинаешь ценить репертуар Конкурса Чайковского! Но контрабас не виноват. Осо-

рый инструмент, трудный. Хорошо, что для него написаны такие яркие, эффектные вещи. А что касается вечных ценностей классики, черпайте их в абонеменах филармонии.

Еще на первом туре играли по две пьесы Глиэра — Интермеццо и Тарантеллу или Прелюд и Скерцо. Тем, у кого по лучше техника, фальши нет — не хватало души. (Это выпускники Москвы, Петербурга, работают в лучших наших оркестрах). Тем, у кого души в избытке, не хватает техники, блеска, артистического куража. (Это провинция: Иркутск, Харьков, Новосибирск, Петрозаводск). Кабы взять их и соединить: впрочем, телевидение в новостях по-своему соединило, объявив, что первую премию получил Владимир Горячев, "уроженец села Молочное Вологодской области". Но вообще-то он концертмейстер группы контрабасов Академического симфонического оркестра Санкт-Петербургской филармонии, уже лауреат конкурсов, выпускник Петербургской консерватории, а до того — средней специальной музыкальной школы при ней и так далее, то есть давным-давно помещен в среду, где до сих пор вырастали и сейчас все еще (пока) вырастают талантливые молодые артисты.

Но то не все. Первый тур объемный. Здесь играют еще сонаты соло Л.Шлега "Слуцкие письма", Д.Эллиса, Тема и вариации Ж.Франсе. В глаза (уши?) бросаются виртуозность первой вариации и флажолеты в третьей. О эти флажолеты! Романтик контрабаса, председатель жюри композитор Андрей Эшпай (у него среди сочинений есть и контрабасовые, в том числе свежий концерт,

который, видимо, будут играть на будущих конкурсах) говорил о них, подняв глаза к небу. Он вообще был настроен настолько лирически, что даже стихи читал. Коротко объявив лауреатов, продекламировал Виктора Бокова: "А все-таки жизнь — это чудо, а чудо не запретишь. Да здравствует амплитуда, то падаешь, то летишь!"

Однако мы пока что на втором туре. Здесь звучала Соната арпеджионе Шуберта и еще какой-нибудь концерт — Э.Тубина, Ф.Фонтена, Концертный дивертисмент Н.Рота, соната Р.Фухса и чаще других Вторая соната А.Мишека. Получивший II премию Г.Крутиков говорил мне, что это его любимое новое произведение, которое хочется как следует записать. Кстати, о предварительных записях, присланных на конкурс, ходили хвастливые слухи, что кто-то писал с семи микрофонов, другой подписывал трудные места, на что жюри солидно отвечало, что им и так все понятно. Как правило, публика эти произведения не знала. Оказалось, интересная музыка.

Случайно мне пришлось прослушать одну очень фальшивую сонату Шуберта. Брови ползли выше и выше от такта к такту. Хотя кантлена была. Изучив (по опыту) буклет на предмет сравнения фамилии педагога и состава жюри, ничего похожего не нашла. Но обидно — тут такая интеллигентная обстановка, без всяких "спортивных" излишеств, сгубивших не один конкурс... И вдруг слышу за собой на последнем ряду: "Жюри — оно и в Африке жюри. Смотри состав оргкомитета!" Точно, смотрю и я, педагог там. В момент этого выступления арбитры громко толковали и жестикулирова-

ли. А публике хотелось сбегать по лестнице, вытащить стоявшие под ней две литавры и ударить по ним тяжелыми колотушками.

До сих пор, если что-то здесь и не нравилось, то это отсутствие рекламы, плохие концертмейстеры, не хватало хоть крошечного пресс-центра и сведений по репертуару. Я спрашивала даже у лауреатов — не знают историю концерта Кусевицкого, очень приблизительно говорят о других сочинениях. Зато в буклете — целая страница о его дирижерских триумфах.

На третьем туре трем (все-го) его участникам аккомпанировала Московская государственная инструментальная капелла под управлением А.Афанасьева, тоже окончившего консерваторию по классу контрабаса у профессора Е.Колосова. Преемственность! Его учитель сидел в жюри наравне с видными педагогами из Финляндии, Великобритании, Германии и своими коллегами из Московской консерватории. Председатель же жюри счел нужным на объявлении итогов подчеркнуть именно артистический имидж своих коллег: "Маэстро Трумпф, маэстро Мартин, маэстро... приняли следующее решение. I премия — Владимир Горячев, II — Геннадий Крутиков, III — Георгий Ломдаридзе". Нескольких участников (в том числе иностранцев) жюри наградило дипломами, книгами, компакт-дисками. Дипломаты вновь присоединились к лауреатам в заключительном концерте.

Любопытно, что сугубо мужское музыкальное собрание окончилось словами благодарности в адрес "тоненькой худенькой женщины-контрабасистки Ирины Александровны". (По моим вычислениям, Корначевой, члена оргкомитета. Все здесь почему-то думают, что кругом исключительно струнно-смычковые люди). На этом тусовка разошлась по городам, оркестрам и гастролям, увозя в памяти прощальные сирены автомобильной сигнализации, врывавшиеся через открытые окна консерватории в мужественные пассажи контрабасов. Контрапункт нашего века...

Конкурс

Ирина КОСМИНСКАЯ

Увеличенный фотопортрет Кусевицкого поставили на сцене на подиуме из белых свечей-гладилусов — в полный рост с контрабасом, с четким нерусским автографом. Портрет уже тех времен, когда скромный ученик московского училища, рядовой артист оркестра Большого театра был забыт, а все знали блестящего солиста на контрабасе ("Звук, как у виолончели самого Казальса", "техника покорна ему, как техника скрипки Изаи или Крейслера") и такого же блестящего дирижера. Он умер в 1951 году, окруженный славой, в Америке, прожив долгую жизнь, дирижировал до последних дней. Поэтому дорого было слышать, что иностранцы, члены жюри, преподаватели крупных консерваторий Европы и артисты, одобрили идею "памяти Кусевицкого" именно для московского конкурса, вполне для нас естественную, но, скажем, для американского уха звучащую странновато.

Американцы проявили свой интерес к конкурсу. Искали забавные сюжеты, развлекали публику, ожидавшую результатов последнего тура, веселым интервью Гены Крутикова, который рассказывал, как вез в старом "форде" на конкурс контрабас, а запоздали гроб и аккуратно проверили. Честно занимали первые после стола жюри ряды. Да что там, в первый день, как раз была суббота, дачный день, улицы в центре вымерли, мы шли по залитой солнцем абсолютно пустой улице Герцена (она всегда залита солнцем — утром я веду ребенка в школу рядом с консерваторией и встречаю рассвет, вечером на концерт спешат люди в лучах заката). Мы искали приметы международного музыкального конкурса. Но никто не попался навстречу с контрабасом, как в прошлом году, во время Конкурса Чайковского, у Малого зала все время носили виолончели. Контрабасы носят теперь только бедные артисты камерных оркестров в маленьких городах, берут их с собой и в самолеты, и в автобусы. Не было также никаких флагов и афиш (флаги, как выяснилось, висели в зале — двенадцать). Маленькие студенческие кафе были пусты. Гранитная скамейка вокруг памятника П.И.Чайковскому пуста. Обычно во время музыкальных конкурсов здесь много китайцев, японцев. И вдруг на тротуаре поблескивает кинокамера, а

Kusevitskiy's Series

19.8.95.